

А.М. НИКУЛИН

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
ЧАРЛЗА РАЙТА МИЛЛСА**

**Mills C. Wright letters and autobiographical writings // Ed.
by K. Mills, P. Mills. Los Angeles: University of California
Press, 2000.**

В канун миллениума вышли в свет «Письма и автобиографические заметки» американского социолога Чарлза Райта Миллса (1916–1962), изданные его дочерьми Катрин и Памеллой. Книга пробудила интерес к нереализованным замыслам Миллса, который в истории и теории социологии считается почтенным и уважаемым классиком, хотя и выраженной левой ориентации. Письма, дневники, черновики и наброски Миллса, проиллюстрированные фотографиями его семейного и интеллектуального окружения, снабженные подробным справочным аппаратом (данные о персоналиях, индексы, хронология), позволяют живо представить себе героя этой книги, его эпоху.

Высокий, тучный, темпераментный Миллс, трижды женатый, имевший троих детей от разных браков, построивший свой дом собственными руками, был фантастически работоспособен. Он неутомимо путешествовал по всему миру, гонял по всей Америке на мотоцикле БМВ и всюду вступал в беседы и дискуссии. Каждый год он публиковал множество статей и раз в два года — книгу. Миллс прославился и тем, что выступил против американской элиты в спорах о кубинской революции; накануне национальных теледебатов о Кубе, в которых он должен был принимать участие, Миллс скоропостижно скончался от разрыва сердца. Ему было 45 лет.

Infant terrible американской социологии середины XX века, лидер левых интеллектуалов Запада, который фактически пытался создать новое движение, основанное на оригинальной смеси идей Макса Вебера и Розы Люксембург и противостоящее ортодоксии как западного либерализма, так и восточного коммунизма, Миллс по праву считается одним из предтеч университетских революций 1968 г.

В России Миллс получил достаточную известность еще при жизни. Советские идеологи постарались оперативно использовать его критику западного общества, опубликовав книгу «Властвующая

Никулин Александр Михайлович — кандидат экономических наук, исполнительный директор Интерцентра. **Адрес:** 119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82, Академия народного хозяйства при Правительстве РФ, корпус 2, МВШСЭН, Интерцентр **Телефон:** (095) 434-7282 **Факс:** (095)434-7547 **Электронная почта:** nik@msses.ru

элита» [1]. Миллса дважды приглашали в СССР, но критических замечаний о коммунистической России он сделал не меньше, чем о капиталистической Америке. Поэтому после смерти Миллса о нем в СССР упоминали не часто, изредка переводя и перепечатывая краткие фрагменты его работ (см., например: [2]). Перевод самой известной книги «Социологическое воображение», посвященной вопросам методологии гуманитарного знания, удалось целиком издать лишь в постсоветское время [3].

Интересно рассмотреть творческую эволюцию автора — от его книги о среднем американце (1951), которая принесла ему всеамериканскую и международную известность [4], до последней, незавершенной работы, адресованной воображаемому русскому интеллигенту (1961), которая публиковалась лишь в автобиографических материалах. За десятилетие между двумя произведениями Миллс прошел огромный интеллектуальный путь. Остановимся на его творческой биографии.

Вехи интеллектуальной биографии

Чарлз Райт Миллс родился в 1916 г. в Техасе, в семье, принадлежавшей к среднему классу местного провинциального общества. В 1935 г., по окончании техасского колледжа сельской механизации, он поступил в университет Остина — столицы штата Техас. Его начинают интересовать методолого-философские проблемы социального знания. Миллс продолжает занятия в университете Висконсина, где в 1942 г. получает докторскую степень за диссертацию: «Социологические основания прагматизма: исследование в области социологии знания». В 1945 г. Миллса приглашают в Колумбийский университет (Нью-Йорк), где он совмещает преподавание с исследовательской работой в знаменитом Бюро прикладных социальных исследований. В это время проявился талант Миллса как оригинального ученого, подвергнутого системной критике западное, в особенности американское, общество. Интересно отметить эволюцию его исследовательской манеры: он начинает свой путь как методолог, а завершает его как памфлетист. Эту эволюцию условно можно разделить на три этапа: методологический, стратификационный, памфлетистский.

Первый — методологический — этап связан с изначальными интеллектуальными интересами Миллса в области социологии знания. Обратив внимание на работы ряда германских ученых, в основном Франкфуртской школы, эмигрировавших в Америку из нацистской Германии, Миллс лично подружился и стал фактически переводчиком и редактором Ханса Герца — маститого социального методолога, обосновавшегося на американской земле.

В возрасте тридцати лет Миллс в соавторстве с Герцем выпустил свою первую книгу, ставшую классической хрестоматией веберист-

ва — «Из Макса Вебера: социологические эссе» [5]. В 1953 г. также в соавторстве с Герцем Миллс опубликовал работу по социальной методологии — «Характер и социальная структура» [6]. В 1959 г. вышла, пожалуй, самая знаменитая его книга — «Социологическое изображение» [7], описывающая направления социологических исследований и снабженная методологическими комментариями. Последними были опубликованы две хрестоматии — «Образы человека: классическая традиция в социологическом мышлении» (1960) [8] и «Марксисты» (1962) [9].

Второй этап, посвященный анализу социальных страт американского общества, начался с публикации монографии «Новый человек во власти: лидеры американских трудящихся» (1948) [10]. Затем вышло в свет историко-социологическое исследование, принесшее Миллсу стабильные признание американских коллег, — «Белый воротничок: американские средние классы» (1951) [4], и, наконец, в 1956 г. он опубликовал свою наиболее известную книгу «Правящая элита» (1956) [11] о высших властных слоях американского общества. Таким образом, стратификационный период представлен триадой исследований, посвященной рабочим, средним и высшим классам Америки.

Третий — памфлетистский — этап ознаменовался публикацией дискуссионной книги «Причины для Третьей мировой войны» (1958) [12], где Миллс дал политологический анализ международной обстановки в условиях холодной войны конца 1950-х годов. В 1960 г. он опубликовал ставшую бестселлером в Америке книгу «Слушай, янки: революция на Кубе» (1960) [13], написанную в форме беседы воображаемого кубинца со среднестатистическим американцем.

Надо заметить, что местами выраженный памфлетистский характер имеет и методологическая книга Миллса «Социологическое изображение» (1959). Смерть прервала его работу над третьим, пожалуй, наиболее оригинальным социологическим памфлетом: «Контактируя с врагом: Товарищ».

Критика «воротничков»

Прежде чем выйти на мировую арену социальных дискуссий Миллс создал фундамент для своих идей с помощью подробных и многочисленных исследований социальной природы американского общества, проведенных в конце 1940-х — начале 1950-х годов.

Книга «Белый воротничок» — центральное звено в стратификационной трилогии Миллса, посвященной социальной структуре Америки, — явилась важным этапом в трансформации исследовательского почерка и манеры изложения автора. Придерживаясь в целом канонов академической социологической монографии, Миллс вложил в создание этой книги глубоко личностный, биографический смысл, который усматривается за аналитической критикой жизненных условий среднего

класса в Америке. Конспективно основные идеи «Белого воротничка» можно передать с помощью ряда исторически и логически взаимосвязанных тезисов.

По Миллсу, средний класс является определяющим для современного капиталистического общества. Этот класс получил за свои, как правило, «непыльные» интеллектуальные занятия прозвище «белые воротнички». Такое определение несет на себе не только печать английского юмора, но и тонко подмеченные особенности моды, переходящей в символ, — недаром класс рабочих получил прозвище «синие воротнички» (как символ рабочей одежды), а властвующая элита, соответственно, «золотые воротнички» (как намек на мир респектабельности и стабильности). Миллс отмечает, что многие произведения западной литературы были посвящены критическому анализу внешней самоуверенности и внутренней неуверенности представителей среднего класса. Вместе с тем это очень динамичный класс. Центральная тема книги Миллса — вековая эволюция этого класса от так называемых старых средних классов к новым средним классам. Наиболее показательна судьба среднего класса в Соединенных Штатах Америки, где изначально существовали почти идеальные предпосылки для его формирования.

Вся ранняя история американских средних классов — это хроника того, как малый предприниматель, упорно работая день и ночь, обороняясь от индейцев, британцев, бандитов, создал единый процветающий мир ферм и городов Америки. Этот мир стремился соответствовать классическим контурам либерального капитализма, требовавшего минимального вмешательства центральной власти, но значительных мер по охране частной собственности. Для идеального американского предпринимателя со времени получения Америкой независимости натуральная гармония ярче всего была представлена политическими, экономическими и моральными идеями Адама Смита и Томаса Джефферсона.

Ранний американский предприниматель — создатель недвижимости: это ремесленник, купец, ростовщик, мореплаватель, фермер. Даже рабочий старался быть не просто наемником на фабрике — он стремился открыть, в конце концов, свое собственное дело: магазин, ферму, мастерскую. Индустриализация в Америке второй половины XIX в. породила новую фигуру предпринимателя, возвысившегося над традиционными средними классами, — капитана бурно развивающейся индустрии.

В дальнейшем динамичное развитие экономики, сопровождавшееся социально-экономической дифференциацией, достаточно четко разграничило крупную и мелкую собственность, оставив в прошлом миф о золотом веке единой нации малых предпринимателей среднего

класса. Тем не менее традиционный лозунг той поры — «собственность, свобода и безопасность» — стал важной составной частью ментальности американского среднего класса, как и оптимистическая идея, что абсолютный индивидуалист все и всегда может начать сначала в саморегулирующемся обществе себе подобных.

Главным итогом развития американских средних классов к середине XX века стала необратимая трансформация собственности. Главные герои американской социальной жизни XIX века начинают неуклонно отходить на второй план. Независимые фермеры и малые предприниматели растворяются между возникающими «над ними» иерархиями крупного капиталистического производства и образующимися «под ними» слоями индустриального рабочего класса.

Если в 1820 г. американская нация на три четверти состояла из сельских трудящихся (в основном фермеров), то в 1880 г. — только наполовину, а в 1949 г. — на одну восьмую. Индустриализация сельского хозяйства, сопровождавшаяся сокращением ручного труда в аграрной сфере, а также социально-экономическая поляризация фермеров, приводившая к росту крупных хозяйств и поглощению ими мелких, способствовали абсолютному уменьшению политэкономического значения фермерства в Америке.

Одновременно с исчезновением фермера как массового социального типа происходило снижение роли мелкого предпринимателя. Используя статистические данные, Миллс продемонстрировал драматическое сокращение мелких фирм в торговле и промышленности в связи с экспансией крупного капитала. Неуклонно разорявшиеся фермеры и мелкие торговцы, те, кто не переходил в разряд наемной рабочей силы, пополняли слои так называемой «люмпен-буржуазии», характеризующейся временным, сезонным, неустойчивым доходом в традиционных отраслях экономики. Так прежде независимые предприниматели оказывались обитателями исчезающих малых островов в гигантски разрастающемся архипелаге большого бизнеса.

Вместе с тем, подчеркивает Миллс, исчезновение старых средних классов сопровождалось яростной риторикой соревнования. Соответствующими политическими и культурными организациями Америки воспевалась способность независимых фермеров и мелких предпринимателей выстоять в борьбе с крупным бизнесом. Их упорство воплотилось, например, в политическом движении фермерства, которое имело непропорционально большую долю в структурах американской власти относительно реальной численности и экономического потенциала фермеров. Общий вывод Миллса о положении старых средних классов в Америке категоричен: «Прочной связи между предпринимательством и собственностью — этой колыбели классической демократии — в Америке больше не существует. В настоящее время это не страна малых предпринимателей, которые превратились лишь в

одну из множества страт. Над мелкими предпринимателями — большие деньги, под ними — чужаки, наемные работники, перед ними — удел политически зависимых аутсайдеров, за ними — их мир» [4, р. 59].

К середине XX века в Америке образовался новый средний класс, доля которого на четверть превзошла старый средний класс. Новый средний класс состоит в основном из менеджеров, высококлассных специалистов, продавцов и офисных работников. Большинство из них связано с крупным индустриальным производством. Новые средние классы имеют иерархическую структуру; можно наблюдать различным образом составленные (в зависимости от сферы занятости) «беловоротничковые» пирамиды. Главный двигатель развития нового среднего класса — менеджмент. Его особенностями являются: встроенность в бюрократические процессы, мобильность сверху донизу, возникновение нового типа предпринимателя, который должен умело лавировать между рутинными бюрократическими и неформализованными ситуациями. Роль менеджеров на протяжении XX века неуклонно возрастает. Миллс выделяет три тенденции развития этого своеобразного менеджериального демиурга: 1) рост обезличенной рационализации управления, напоминающий кафкианский сюжет; 2) бюрократизация самого капиталистического духа, фетишизация предприятия; 3) стремление ультимативного типа власти манипулировать окружающей действительностью.

Представители как старых, так и новых профессий нуждаются теперь в навыках бюрократической деятельности. К такому выводу приходит Миллс, исследуя мир «белых воротничков» на примерах врачей, юристов, ученых, бизнесменов, «свободных интеллектуалов». Все они проходят через аукцион рыночной экономики, который формирует различные типы новой торговой профессии «белых воротничков». Общим для всех торговых типов становится работа в условиях централизации, где все возрастающая иерархия, от продавщиц до администраторов, создает гигантский персонифицированный мир купли-продажи. Так же, как и супермаркеты, разрастаются офисы, где «беловоротничковые» девушки занимают низовые позиции в иерархии, контролируемой почти исключительно маскулинным верхом.

Стиль жизни нового среднего класса претерпевает значительные перемены в сравнении с классом старым. Протестантское значение работы и идеал мастерства растворяются в современном индустриально-бюрократическом процессе, где заданы стандартные рамки принятия решений, требующие придерживаться образа мысли жизнерадостных роботов. Конечной целью работы становится удовольствие после работы. Однако стремление к беззаботности в свободное от работы время омрачается панической озабоченностью собственным престижем. Один из основных показателей статуса — место жительства. Статусная паника способствует постоянной рефлексии по поводу критериев успеха. Имеется целый ряд моделей и идеологий,

выражающих волю к успеху класса «белых воротничков». Решающим здесь является стремление к получению престижного образования. Гигантский образовательный элеватор становится еще одной характерной особенностью нового среднего класса.

Главный вопрос при изучении любого класса — это вопрос об организации власти в данном обществе. В этой связи Миллс рассматривает «беловоротничковое» профсоюзное движение. Этому движению, как и среднему классу в целом, свойственна возрастающая организованность со своими правилами принятия и отвержения. Здесь очень важны мотивы индивидуальной вовлеченности в формы профсоюзного движения и политические союзы. Политические модели сознания «белых воротничков» прежде всего характеризуются массовым безразличием. Вместе с тем именно средним классам присущ повышенный интерес к масс-медиа, особенно к пропаганде стабильности социальной структуры, основанной на ценностях нового среднего класса. Американские политики, которые специализируются на отстаивании ценностей и позиций «белых воротничков», мало оригинальны, они находятся в арьергарде движения к глубинным трансформациям современного общества. Выход в свет «Белого воротничка» вызвал неоднозначную реакцию американских социологов. Признавая яркие аналитические аргументы автора, его увлекательный стиль изложения, многие критики не соглашались с пессимистической оценкой роли средних классов в социальной жизни Америки. Миллса упрекали в излишнем критическом субъективизме [14].

В автобиографической рефлексии Миллса постоянно встречается мотив неприятия карьерного успеха как критерия истинности существования человека в обществе. Совершив стремительное академическое восхождение — из провинциального техасского колледжа во всемирно известный Колумбийский университет штата Нью-Йорк, — Миллс тяготился ролью и образом жизни респектабельного академического интеллектуала. Жестко критикуя окружавший его рутинный мир средних классов и при этом формально являясь назидательным положительным примером этого самого мира, он грезил об иной социальной организации. Так, незадолго до своей смерти Миллс вел переговоры с Фиделем Кастро о создании на Кубе университетского исследовательского центра принципиально нового типа, который объединил бы в своих стенах гуманитариев из разных стран мира, исследующих альтернативы всемирного социального развития. К сожалению, со смертью Миллса идея такого университета сама собой заглохла¹.

¹ История Кубинского проекта была рассказана автору Т. Шаниным, которому Ч.Р. Миллс предлагал в начале 1960-х годов стать его личным ассистентом в организации Кубинского университета.

Стремление к созданию иной социальной организации требовало нового отношения к действительности. Миллс обратился к экспериментам в области анализа и описания реальности на основе использования собственного биографического опыта — культурного и эмоционального.

В поисках Товарища

В конце 1950-х — начале 1960-х годов Миллс приступил к написанию новой книги, в которой провел весьма смелый и необычный эксперимент: в самый разгар холодной войны он пишет своеобразное письмо, адресованное воображаемому русскому другу: «Контактируя с врагом: Товарищ» (“Contacting the enemy: Tovarich”). В одном из посланий к своему английскому другу и единомышленнику Ральфу Милибанду Миллс сообщал, что увлеченно работает над этой книгой, которая должна состоять из 10 писем общим объемом в 90 тысяч слов, и предлагал обсудить варианты издания своего нового сочинения (р. 291). Этот письменный монолог, обращенный к воображаемому русскому врагу/другу, которого Миллс называет Tovarich, возможно, мог открыться таким обращением, зафиксированным в дневниках Миллса: «Товарищ, почему я пишу тебе... Товарищ, я постоянно слышу, что мы с тобой враги. Хорошо, я готов вступить в контакт с врагом, мы же можем с тобой заключить наш собственный сепаратный мир. Ведь скоро появятся зоны свободы в СССР. Я хочу, чтобы эти письма дождались тогда тебя, товарищ» (р. 221-222).

Письма к Товарищу, создававшиеся во время нескончаемых путешествий Миллса по миру (Сараево, 1956–1957; Инсбрук, 1957; Рио де Жанейро, 1959; Москва, 1960; Нью-Йорк, 1960), написаны в довольно сложном научно-литературном жанре, соединяющем биографическую исповедальность, философско-социологическую рефлексивность о судьбах мирового сообщества и искреннюю попытку продуктивного диалога с российско-советской культурой. Миллс отмечал в своих набросках: «Эти письма должны быть некоей комбинацией ленинского “Что делать?” и толстовского “Как нам следует жить?”» (р. 222). Автор писал это, конечно, не только для безымянного советского товарища, но и для самопознания, а также для западных, прежде всего, американских интеллектуалов.

Книга содержит спонтанные размышления Миллса об особенностях его судьбы, преимущественно в годы юности. О себе Миллс часто пишет в ироничном тоне. Он очень сожалеет, что в провинциальном Техасе 1920-х годов, где он рос, практически отсутствовали признаки высокой культуры. С удивлением отмечает, что его первое знакомство с образцами мировой культуры оказалось связано с Россией: «Я учился второй год в колледже, когда впервые услышал классическую музыку, это была патетическая симфония Чайковского, в то же

время я увидел первую в моей жизни театральную пьесу, это был «Вишневый сад» Чехова» (р. 28).

Миллс подчеркивает значение стадий автономии в формировании собственного юношеского характера: «Я был интеллектуально, политически, морально одинок» (р. 250). Он говорит об обращенности стадий автономного взросления в прошлое: «В 30-е я был юно-молодым. Иногда я думаю, что в течение 30-х я жил в 20-е, а в ранние 40-е я жил в 30-е...» (р. 249). Отсюда, возможно, развилась характерная черта Миллса как исторического социолога: в любом исследуемом социальном явлении он чувствовал отголоски предшествующего исторического этапа. Автобиографические размышления Миллса обрываются на 1940-х годах, времени, когда он стал самостоятельно мыслящим социальным исследователем радикального толка: «В сороковые я стал «вобби» — оппозиционером против бюрократии» (р. 252).

Круг социально-философских проблем, обсуждаемых с Товарищем, весьма широк. На международном уровне Миллс проницательно предлагает взять за объективный эталон измерения различий между Штатами и Советами Европу: «Мы с тобой оба отличны от европейцев (мы с тобой скорее похожи на бразильцев и мексиканцев). Я видел много европейцев — многим из них хотел бы написать, как тебе» (р. 222). Миллс, действительно, начиная с 1950-х годов посетил ряд европейских стран, интенсивно общаясь с местными жителями. Из социалистических стран его особое внимание привлекли Югославия и Польша, в которых тогда проходили социально-политические реформы. В своих письмах Миллс создал обширную галерею, включающую изображения европейцев различных социальных типов: итальянского рабочего, французского полицейского, датского профессора... Возможно, специально для Товарища он привел мнение югославского крестьянина о строительстве социализма: «Они хотят построить социализм, это, похоже, хорошая вещь, но почему же за такое важное строительство они так мало нам платят» (р. 223).

Надежды на организацию обновленного и эффективного левого движения Миллс связывал прежде всего с Европой. После подавления советскими войсками восстания в Венгрии (1956) из западноевропейских коммунистических партий в знак протеста вышли многие интеллектуалы, пытавшиеся создать новое левое движение. Они стремились объединиться с радикальными представителями лейбористских и социал-демократических партий, также в знак протеста покинувших свои организации после кризиса вокруг Суэцкого канала (1956). Наиболее активным движением новых левых было в Англии, издавался журнал «New Left». Именно здесь Миллс приобрел наибольшее количество друзей и единомышленников. Сам он стремился обнаружить и организовать новых левых в США и Советском Союзе, но это получалось с большим трудом. В Америке левые движения

почти полностью контролировала ортодоксальная коммунистическая партия, лояльная по отношению к СССР. Оставалось найти гуманного левого радикала в самой Советской России, чего Миллс и стремился достичь, апеллируя к Товарищу.

Переходя от страноведческого аспекта к политическому, Миллс призывает думать и действовать вне иерархий: «Моя основная идея — игнорировать генералов и быть для них плохим солдатом...»; он предупреждает, что нельзя доверять властвующим элитам в вопросах не только современности, но и истории: «Вожди переписывают историю каждый наступающий день, включая документы, на которых история базируется... Нам следует быть осведомленными в действительных параметрах реальности» (р. 225).

Одной из центральных тем в письмах к Товарищу остается соотношение социальной несправедливости и личных проблем. Сама несправедливость судьбы, по Миллсу, есть проблема индивидуальной человеческой жизни в обезличенных структурах общества. Все более неясными становятся перспективы исторической трансформации мира в целом. Здесь Миллс предлагает вспомнить слова своего учителя Мида, что мир — это непрерывное движение, в котором «мы не знаем, где мы находимся, но мы знаем, что мы в пути» (р. 255).

Большое место в письмах уделено размышлениям о том, что значит быть интеллектуалом. Одной из характерных черт интеллектуала, по мнению Миллса, является писательство, постоянное письменное общение с себе подобными. Миллс подробно рассуждает о трудностях писательского дела, об эволюции собственного авторского стиля. Один из ярчайших социальных писателей своего времени, он тем не менее выражает постоянное недовольство собственной литературной работой. Другая особенность интеллектуала заключается в его внутреннем одиночестве, и главное здесь — творчески использовать одиночество в интеллектуальной работе. Наконец, постоянный интерес к постижению других культур также, согласно Миллсу, является важной чертой интеллектуала. Особенности повседневной жизни интеллектуала Миллс иллюстрировал Товарищу на примерах собственной жизни, разбросанных в письмах в виде коротких эссе: «Мои исследования», «В университете», «В пути», «Интервьюирование», «Писание в дороге».

В своих «Письмах» Миллс постоянно задавал вопрос: «Какой ты, Товарищ?» И вот здесь становится очевидно, что автору постижение его воображаемого друга дается с громадным трудом. Миллс упоминает, что систематически старается читать русскую художественную литературу, но заметно, что в ней он не нашел дорогу к Товарищу. Миллс читает много специальной литературы о России; в результате он признает, что и такие исследования мало помогают тем, кто стремится понять Товарища: «Я прочел 3–4 дюжины книг, написанных

специалистами по России, я продолжаю чтение этих книг, но я так и не понял, что ты за человек. Я содрогаюсь от мысли, что ты тоже читаешь книжки русских специалистов по Америке, и в них нет того же» (р. 225). Тут Миллс почти по-толстовски призывает к непосредственному опрошающему разговору: «Давай забудем специалистов и экспертов; у них свои цели, но насколько эти цели соответствуют нашим целям и потребностям? Давай, говорить друг с другом наивно...» (р. 225).

В 1960-м году — уже в течение трех лет создавались письма к Товарищу — Миллс совершил первое путешествие по Советскому Союзу. Но и на родине Товарища Миллс его самого не обнаружил. Это было, пожалуй, самой главной загадкой для Миллса, который не преминул попенять на это воображаемому русскому другу: «Как видишь, я в твоей стране, и я разочарован: я до сих пор не смог найти тебя, а если мы уже и встречались, то я не узнал тебя. Не знаю... В Москве, Ленинграде, Ташкенте, Тбилиси я беседовал с десятками твоих коллег, постоянно пытаюсь найти тебя, часто беседуя с ними о тебе; впрочем, никто из них ничего об этом не знает. У меня уже накопились интервью с ними на 300 страниц. И что мне теперь со всем этим делать?» (р. 289). Впоследствии Миллс использовал часть этих интервью для антологии «Марксисты», которая вышла уже после его смерти. Но ведь в СССР он искал не только марксистов, но прежде всего Товарища. Мы можем наверняка предположить, что, как любой иностранец в тогдашней России, окруженный лишь идеологически выверенными и преданными политическому режиму друзьями, Миллс Товарища найти не мог. Ни к чему не приводили его попытки поговорить с окружающими его русскими наивно. Например, без ответа остался тост Миллса, произнесенный на торжественной встрече в Институте философии Академии наук: «За полную реабилитацию товарища Троцкого как знак обретения политической свободы в СССР» (р. 288).

После обескураживающего посещения Советской России Миллс почти на год отложил сочинение писем Товарищу. После второго посещения СССР в 1961 г. он приступил к продолжению писем, но разрыв сердца навсегда остановил его работу.

Значение автобиографического наследия

Социологическое наследие Миллса было одним из мощных интеллектуальных источников развития леворадикального движения в Америке 1960–1970-х годов. Но это наследие отнюдь не является лишь историей. Удивительная способность Миллса на основе собственного опыта продуктивно объединять в исследованиях *методы эмпирического анализа*, освоенные им в сотрудничестве с Полом Лазарсфельдом и Робертом Мертоном, *классическую социологическую*

теорию, прежде всего, веберовского, но также и марксистского толка, увлекательный стиль изложения, почерпнутый из специальных журналистских и литературных штудий, — вдохновляющий пример для обществоведов разных поколений.

Несмотря на то, что Миллс не успел создать собственную систематическую теорию, основанную на оригинальном использовании социологического воображения, критике косных догм многочисленных «воротничков» в политике, науке и повседневности, поиске неизведанного человека — Товарища, его работа может быть чрезвычайно полезна для осмысления современных проблем. По прошествии десятилетий многие социально-политические идеи Миллса могут показаться наивными. Именно в среде так беспощадно раскритикованного им среднего класса со второй половины 1960-х годов часто возникало искреннее стремление к глубокому реформированию социальных, этических, гендерных, культурных отношений на Западе. А «товарищи», как показала история, часто оказывались лишь идеологическими «воротничками» авторитарных режимов. Но все же и в наше время, в иных, постмодернистских и глобалистских терминах, продолжается подмеченное именно Миллсом противостояние лицемерия и искренности «воротничков» и Товарищей.

Работам Миллса свойственен историко-социологический подход. Практически любой его текст содержит исторические проработки многочисленных социологических проблем. Недаром одна из глав его методологического труда «Социологическое воображение» называется «О пользе истории»; в ней Миллс замечает: «Вся социология достойна называться исторической социологией» [3, с. 168]. Остается лишь добавить: «А социология Чарлза Райта Миллса достойна называться автобиографической социологией».

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллс Ч.Р. Властвующая элита: Пер. с англ. М.: Иностранная литература, 1959.
2. Миллс Ч.Р. Высокая теория: Пер. с англ. // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Вып. 1 / М.: ИКСИ АН СССР 1968. С. 395–424.
3. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение / Пер. с англ. О.А. Оберемко; Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Издательский дом «Стратегия», 1998.
4. Mills C.W. White collar. Oxford: Oxford University Press, 1951.
5. From Max Weber: Essay in sociology // Ed. by H. Gerth, C.W. Mills. Oxford: Oxford University Press, 1946.
6. Character and social structure // Ed. by H. Gerth, C.W. Mills. New York: Harcourt, Brace and World, 1953.
7. Mills C.W. The sociological imagination. Oxford: Oxford University Press, 1959.

8. Images of man: The classical tradition in sociological thinking // Ed. by C.W. Mills, G. Braziller. New York: Harcourt, Brace and World, 1960.
9. *Mills C.W.* The marxists. New York: Dell Publishing, 1962.
10. *Mills C.W.* The new men of power: American labour leaders. New York: Harcourt, Brace and Company, 1948.
11. *Mills C.W.* The power elite. Oxford: Oxford University Press, 1956.
12. *Mills C.W.* The cause of World War Three. New York: Ballantine Books, 1960.
13. *Mills C.W.* Listen Yankee: The revolution in Cuba. New York: Ballantine Books, 1960.
14. *Macdonald D.* Abstractio ad absurdum // Partisan Review. 1952. Vol. 19. No. 1. P. 103-114.